

Источник: «Дело» ордена русских фашистов // Куняев С., Куняев С. Растерзанные тени : избранные страницы из «дел» 20-30-х годов ВЧК-ОГПУ-НКВД, заведенных на друзей, родных, литературных соратников, а также на литературных и политических врагов С. Есенина / С. Куняев, С. Куняев. – М., 1995. – С. 19-59.

«ДЕЛО» ОРДЕНА РУССКИХ ФАШИСТОВ

Архивы ЧК — ОГПУ — НКВД. Передо мной — уголовные дела, заведенные на друзей, соратников и родных Сергея Есенина. На желтых папках точно выжжено тавром: «Совершенно секретно», «Хранить вечно». Самое раннее дело помечено 1920 годом, а самое позднее — 1938-м.

Тяжко листать пожелтевшие от времени документы, в которые не заглядывали целые десятилетия. Тяжко всматриваться в тюремные фотографии «профиль-анфас» — напряженные или потухшие глаза, небритые лица, всклокоченные волосы, расстегнутые пуговицы измятых косовороток. Люди, одной ногой стоящие в могиле...

Тридцатого марта 1925 года в камере смертников лубянской тюрьмы загремела дверь. В проеме стояли два палача в кожаных мотоциклетных куртках и штанах — профессиональной форме чекистов. Один крикнул:

— Кто тут Ганин? Выходи!

Появился худой светловолосый человек. По бетонному коридору палачи вывели его во двор. На ходу растягивая деревянную кобуру маузера, чекист за изгибом кирпичной стены приказал:

— Лицом к стене!

Тут же раздались выстрелы.

Так на рассвете весеннего дня погиб друг Сергея Есенина Алексей Ганин.

Родился поэт 28 июля 1893 года в крестьянской семье, в деревне Коншино, Кадниковского уезда, Вологодской губернии. После двухклассной земской школы, расположенной в селе Усть-Кубинском, поступил в городскую гимназию. В 1914 году окончил вологодское медицинское училище. К тому времени местные газеты уже всю печатали его стихи.

С началом войны Алексея призвали в армию. Служить повезло в столице, где познакомился с Петром Орешинным, Сергеем Клычковым, Сергеем Есениным, Николаем Клюевым и Пименом Карповым. Благодаря им стихи Ганина появились в петроградских журналах.

В июне 1916 года болезнь избавила поэта от казармы. Он вернулся в Вологду. На следующий год в гости нагрянули Сергей Есенин с Зинаидой Райх. Поездка на Соловецкие острова завершилась для них четвертого августа венчанием в Кирико-Улитовской церкви. Алексей был поручителем невесты. Затем они вместе отправились в свадебное путешествие в Коншино — родную деревню Ганина.

После революции он добровольно вступил в Красную Армию. Служил фельдшером в различных госпиталях Северного фронта и в военно-санитарном управлении Котласского района. Стремительное развитие событий, обилие ошеломляющих мыслей, новизна разнообразных впечатлений выплескивались в стихах. 1920 год стал для поэта особенно плодотворным. В Вологде вышли литографированные сборники: посвященный Есенину «Красный час», «В огне и славе», «Вечер», «Певучий берег», «Кибураба», «Раскованный мир», «Священный ключ», «Золотое безлюдье». Правда, очередной год оказался удачным разве лишь по заглавию книги — «Мешок алмазов», которую дополнили отдельное издание поэмы «Сарай» да вышедшая в Вологде поэма «Звездный корабль». Возможно, это объясняется тем, что Ганин одновременно печатал прозу в местном журнале «Кооперация Севера».

В 1922 году он перебрался в Москву и вместе с Есениным, Клюевым, Клычковым и Карповым участвовал в литературных вечерах крестьянских поэтов. Простился Алексей Ганин с московскими читателями книгой избранных стихов и поэм «Былинное поле».

Следующая вышла в Архангельске лишь в 1991 году. В предисловии я допустил несколько предположений о причинах ареста и смертного приговора. Я сделал их после бесед с двумя сестрами поэта, знакомства с письмом о реабилитации в шестидесятых годах. Но во многом ошибся, поскольку тогда еще не был знаком с желтой папкой, прожженной грифом «Совершенно секретно».

Дело № 28980 начато 13. XI. 1924 года. Ордер на

арест первого ноября подписал сам Генрих Ягода. В анкете указано, что Ганин уже арестовывался московским Губчека, «по недоразумению принятый за контрреволюционера». Потом был «арестован по обвинению в антисемитской агитации. Освобожден под подписку о невыезде». Тут подразумевалось широко известное дело Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина, предопределившее их судьбу. Довольно любопытен отрывок из протокола от 13. XI. 24 года: «Есенин как-то познакомил меня с одной женщиной, с которой в это время жил. Фамилию женщины я не знаю; она коммунистка и в то время работала в «Правде» или в «Бедноте», секретарем какого-то видного работника ГПУ». Случайной знакомой Ганина была Галина Бениславская, близкая Сергею Есенину в последние три года жизни.

Из протокола от 15. XI. 24 года. Допрашивали Славинский и Агранов. «Читал выдержки из тезисов, которые обнаружены у меня при аресте. Эти тезисы я готовил для своего романа».

Занимают они девятнадцать страниц, оборванных по краям, исписанных химическим карандашом. Почерк красивый, текст ясный, грамотный. Несколько листов залепаны бурыми пятнами. Думаю, Ганину показывали рукопись после побоев, пыток. И кровь поэта пропитала страшные тогда мысли. Отмечено, что копия с тезисов, послуживших причиной смертного приговора, снята для Агранова. Делу явно придавалось особое значение, коль им занимался сам Яков Самуилович — обер-палач ЧК.

Тезисы «Мир и свободный труд — народам», пролежавшие во тьме архивов почти семьдесят лет — величайший документ русского сопротивления интернационалфашизму, ленинско-троцкистской банде. Жаль, что этот кровоточащий манифест, перед которым бледнеют «Несвоевременные мысли» Горького, знаменитые письма Короленко — Луначарскому и письма Раскольников — Сталину, оставался неизвестным до последнего времени. По-своему бесценные, эти документы — всего лишь интеллигентская или партийная реакция на кровавые злодеяния эпохи. А ганинский манифест — плод именно народного сопротивления. Он создан с таким выходом в будущее, что мысли и страсти, изложенные там — кажутся выплеснутыми в наше смутное время.

Я недаром говорю о народном сопротивлении, ибо

дело Ганина было групповым. ЧК арестовало тринадцать человек. Не партийных функционеров, эсеров или широко известных писателей, а никому неизвестных вечерашних крестьян, начинающих поэтов, мелких служащих, объединенных одной идеей: борьбой с интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России. Как в наши демократические времена, так и тогда такое мировоззрение называлось фашистским. Группа получила название «Орден русских фашистов». Ганин был объявлен главой и вместе с шестью товарищами расстрелян тридцатого марта 1925 года. Семью уцелевших пошли на Соловки. Вскоре после этого Пимен Карпов посвятил другу стихи:

*От света замурованный дневною,
В когтях железных погибая сам,
Ты сознавал, что племени родного
Нельзя отдать на растерзанье псам.*

.....
*Но за пределом бытия, к Мессии —
К Душе Души — взывал ты ночь и день,
И стала по растерзанной России
Бродить твоя растерзанная тень...*

Сегодня из чрева Лубянки эта растерзанная тень пришла к нам.

МИР И СВОБОДНЫЙ ТРУД НАРОДАМ

Тезисы

1. При существующей государственной системе России — это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа — вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии.

Ясный дух русского народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни — красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого он убеждает в том, что если не предпринять

какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу — неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение. Смотрите госбюджет России последних лет. Отчеты государственных предприятий. Заработная плата рабочих и служащих. Бюджет крестьян. Соотношение цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты. Соотношение максимума заработка и прожиточного минимума трудового населения. Сопоставим данные довоенного и настоящего времени в области народного просвещения, здравоохранения, общественной взаимопомощи. Вычисляем коэффициент налогов и доходов населения. Наконец сопоставим данные довоенной и современной нашей внешней торговли, чтобы убедиться, что Россия стоит накануне гибели, а ее многомиллионное население обречено на рабскую нищету и вырождение.

Но как это случилось, что Россия с тем, чтобы ей беспрепятственно на общее благо создать духовные и материальные ценности, обливавшаяся потом и кровью Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и пращуров завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние?

2. Вполне отвечая за свои слова перед судом всех честно мыслящих людей и перед судом истории, мы категорически утверждаем, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности — средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов — таятся смерть и разрушения, разрушения и смерть.

Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими вырожденками, банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население: всех, кто

здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда при малейшем намеке на отказ всякий убивался на месте, а у осиротевшей семьи отбиралось положительно все, что попадалось на глаза, начиная с последней коровы, кончая последним пудом ржи и десятком яиц, когда за отказ от погромничества поместий и городов выжигались целые села, вырезались целые семьи.

Вот тогда произошла эта так называемая «классовая борьба», эта так называемая прославленная и «спасительная гражданская война». Но после тщательного анализа всех происходящих событий в области народного хозяйства, психологии народа, после тщательного анализа проповедей этой ныне господствующей секты изуверов, человеконенавистников-коммунистов, о строительстве нового мира мы пришли к тому же категорическому убеждению: все эти слова были только приманкой для неискушенных в подлости рабочих масс и беднейшего крестьянства, именем которых все время прикрывает свои гнусные дела эта секта.

Достаточно опять-таки вспомнить тот ужасный разгром городов, промышленных предприятий, образцовых хозяйств и усадеб, бесконечно и ежедневно происходившие реквизиции, бесчисленные налоги, когда облагалось да облагается и до сих пор все, кроме солнечного света и воздуха, чтобы понять: это только безответственный грабёж и подстрекательство народа на самоубийство.

Наконец реквизиции церковных православных ценностей, производившиеся под предлогом спасения голодающих. Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые села, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья? Кто не помнит того ужаса и отчаяния, когда люди голодающих районов, всякими чекистскими бандами и заградилками (только подумать!) доведенные до крайности, в нашем двадцатом веке, в христианской стране, дошли до людоедства, до пожирания собственных детей, до пожирания трупов своих соседей и ближних! Только будущая история и наука оценят во всей полноте всю изуверскую деятельность этой «спасительницы народов» — РКП.

Для нас теперь нет никакого сомнения, что та злая воля, которая положена в основу современного советского строя, заинтересована в гибели не только России, как одной из нынешних христианских держав, но всего хрис-

тианско-европейского Запада и Америки. Создав экономические и государственно-политические правовые теории на ложном принципе классовых противоречий, они тем самым вызвали в каждом государстве, провоцируя богатых и бедных, внутреннюю нетерпимость, разжигая ее до острой ненависти, до братоубийственной бойни.

Эта хитрая и воинствующая секта, исходя из того же принципа классового расслоения, путем псевдонаучных исследований ныне искажает истинный смысл вещей, искажает истинный взгляд на естественно-исторический и духовный путь человечества. Эта секта всеми мерами старается заглушить в бесконечных противоречиях ход всех современных событий, стремясь таким образом расщелить и ослепить каждую национальность в отдельности, тем самым провести непроходимую бездну между подрастающим поколением и их отцами, между отдельными группами людей: создавая всюду нетерпимость, раздор и отвлекая таким образом силы народов от дружественной работы по борьбе с естественными препятствиями, парализуя творческий дух христианских народов.

Народы Запада и Америки должны быть на страже, должны напрячь все свои силы, чтобы не поддаться влиянию этой изуверской секты. Всякий, кто любит свой народ, кому дороги культура и дальнейший прогресс завоеваний природы на благо народов, тот, безусловно, к какой бы нации не принадлежал — всеми мерами должен бороться и воздействовать внутри своей страны на малосознательные массы, чтобы не допустить эту изуверскую секту к власти над данным народом.

3. Всякий, кто более или менее добросовестно следил за ходом событий в России, кто знает хоть в тысячной части положение русского народа в целом, безусловно увидит, что только путем лжи и обмана, путем клеветы и нравственного растления народа эти секты силятся завладеть миром. Путем неслыханной в истории человечества кровожадной жестокости, воспользовавшись временной усталостью народа, эта секта, пробравшись в самое сердце России, овладев одной шестой частью суши земного шара и захватив в свои руки колоссальные богатства России, еще с большей энергией и с большим нахальством проповедует свои губительные теории, прикрываясь маской защитников угнетенных классов и наций.

Эти изуверские секты под видом дипломатических и

торговых представителей русского народа всюду рассылают агентов-проповедников, чтобы успешней делать свое противное всякому здравому смыслу дело, чтобы всюду организовать отделения своей секты, чтобы всюду сеять раздор, человеконенавистничество, чтобы всюду разжечь братоубийственные внутринациональные боины, потому что знают: только этим путем они могут погубить христианско-европейский Запад и Америку, таким образом овладев миром.

Выдвигая как конечную цель своих стремлений лучшие принципы христианско-европейских народов: свободу, равенство всех граждан перед законом, охрану труда и заботу о народном благосостоянии и просвещении, они тем самым стараются проникнуть в доверие масс Европы и Америки. Но мы еще раз повторяем: всякий, кто умеет честно по-человечески мыслить, тот из всего существующего положения в России ясно увидит, к чему на самом деле стремится эта изуверская секта.

Завладев Россией, она вместо свободы несет неслыханный деспотизм и рабство под так называемым «государственным капитализмом». Вместо законности — дикий произвол Чека и Ревтрибуналов; вместо хозяйственно-культурного строительства — разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны; вместо справедливости — неслыханное взяточничество, подкупы, клевету, канцелярские издевательства и казнокрадство. Вместо охраны труда — труд государственных бесправных рабов, напоминающий времена дохристианских деспотических государств библейского Египта и Вавилона. Все многомиллионное население коренной России и Украины, равно и инородческое, за исключением евреев — брошены на произвол судьбы. Оно существует только для вышибания налогов.

Три пятых школ, существовавших в деревенской России, закрыты. Врачебной помощи почти нет, потому что все народные больницы и врачебные пункты за отсутствием средств и медикаментов влачат жалкое существование. Высшие учебные заведения терроризированы и раздавлены. Как наиболее враждебные существующей глупости. Всякая общественная и индивидуальная инициатива раздавлена. Малейшее проявление ее рассматривается как антигосударственная крамола и жесточайшим образом карается. Все сельское население, служащие, равно и

рабочие массы, раздавлены поборами. Все они лишены своей религиозной совести и общественно-семейных устоев, все вынуждены влачить полуживотное существование. Свобода мысли и совести окончательно задавлены и придушены. Всюду дикий, ничем не оправданный произвол и дикое издевательство над жизнью и трудом народа, над его духовно-историческими святынями. Вот он — коммунистический рай.

Недаром вся Россия во всех слоях, как бы просыпаясь от тяжкого сна, вспоминает минувшее время как золотой, безвозвратно ушедший век. Потому что всюду голод, разруха и дикий разгул, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников. Вся так называемая коммунистическая пропаганда и агитация, письменная и устная — вся псевдонаучная так называемая марксистская литература, и наконец неслыханный по своей злобности в истории законодательства поток запретов и распоряжений самозванного правительства — эти исключительные образцы злобы, коварства, предательства и изуверской тупости являются ярким доказательством справедливости наших мнений.

Вся эта гнусная макулатура, государственная халтурщина, ясно показывает лишний раз настоящую рожу этих изуверов, ясно вскрывает их намерения. Но при помощи этой макулатуры, оградив себя от всякой критической мысли Чекой и Главлитом, они околпачивают умы простых, неискушенных рабочих, незнакомых с прочими научными и философскими взглядами на мир вещей и явлений, но заражают и молодежь, еще неспособную к самостоятельному критическому мышлению.

4. Считаю, что помимо террора одним из главных и могущественных орудий в руках коммунистической секты являются пропаганда и агитация так называемого марксистского учения, которое, как известно, не только для непосвященных рабочих масс, не только для умов не вполне развитых и знакомых с прочими философскими и научными взглядами на мир вещей и исторических событий, но для отдельных умов, более или менее способных к мышлению, в настоящее время почти во всем мире представляют немалый соблазн во взглядах, а многие вещи и явления исторического порядка, особенно в об-

ласти хозяйственно-промышленного строительства, многих искренних людей приводят к значительным заблуждениям.

Принимая во внимание, что данное марксистское мировоззрение для многих даже выдающихся умов Европы, Америки и Азии является цельным и исчерпывающим, вполне отдавая себе отчет в трудности возложенной на себя задачи, тем не менее мы, русские националисты, на основании опыта всей русской революции, на основании повседневных фактов всей русской общественной и современной хозяйственной жизни, наконец, на основании данных современной нации и статистики вполне убедившись сами — перед лицом всего мира докажем не только ложность, но крайнюю зловредность данного учения для всей западно-европейской культуры и вообще для дальнейшего человеческого прогресса.

5. Для того чтобы раз и навсегда покончить с так называемой РКП, сектой изуверов-человеконенавистников, и с ее международным органом III Интернационалом, необходимо:

1) на основании анализа русской действительности, опираясь на общеизвестные для всех очевидные факты хозяйственного и общеполитического порядка, путем повседневных систематических разоблачений (речи, беседы, возвания и прокламации) дискредитировать в глазах рабочих масс не только России, но и всего мира деятельность современного советского правительства и III Интернационала;

2) пользуясь всеми данными русской коммунистической революции и ее последствиями, необходимо, показав ее несостоятельность, выдвинуть новые принципы государственности, общественности, личных прав человека. В противовес коммунистической ереси мы должны рассматривать историю не как борьбу классов, а как постоянное самоусовершенствование в борьбе с природой за культурные блага. Отсюда, в противовес марксистским теориям, рассматривать государство не как «организованную эксплуатацию» одного класса другим, а как широкую организацию для совместной более успешной борьбы с естественными препятствиями за общее благо и независимость;

3) признавая лишь как правовую, вполне самостоятельную единицу человеческого общества, мы должны признать в противовес марксизму и неотъемлемые права той личности на продукты труда, иначе говоря, признать

право собственности как единственную гарантию роста культурных и экономических благ государства. Существенная причина всего краха современной России есть так называемый «государственный капитализм», он же является основной причиной и злейшей эксплуатацией всего населения и казнокрадства.

Вот отчего Россия, сельскохозяйственная страна, все время существования советской коммунистической власти терпит голод и всякие бесконечные кризисы. Разве не абсурд, что в 1921 году России привезли молока для всяких комиссаров и комиссарш почти на девять миллионов рублей золотом!

4) ввиду этого недовольство существующей властью растет с каждым днем все больше и больше не только среди населения городов и деревень, так называемых беспартийных, но и среди рабочих и армии. Необходимо, чтобы наша борьба с этой грабительской сектой была успешна. Все лучшие силы России перенести на пропаганду государственно-национальных идей с тем, чтобы вовремя и заблаговременно недовольству масс дать в противовес большевизму ясные формы и лозунги национально правового государства, и взамен жидовского III Интернационала выдвинуть идею Лиги наций как единственной международной организации, которая предупредит правовые международные столкновения между государствами;

5) для того, чтобы окончательно свергнуть власть изуверов, подкупивших себе всех советских пройдох и авантюристов, наряду с пропагандой национальных идей и прав человека, необходимо, учитывая силы противника в каждом городе, в каждом промышленном месте коренной России и Украины, путем тщательного отбора и величайшей осмотрительности вербовать во всех семьях и кругах русского общества всех крепких и стойких людей, нежно любящих свою родину. Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы ее активная сила могла не только вести дальнейшую работу и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумели бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя их к единой цели. К великому возрождению Великой России;

6) не предпреляя заранее, какой общественный строй

должен быть в государстве Российском, а выдвигая со своей стороны идею великого земского собора, мы все же должны зорко смотреть, чтобы тайные враждебные силы раз и навсегда потеряли охоту грабежа и бесчинства народа в целом и не помешали бы в дальнейшем вернуть в России еще неисчерпанные силы на путь духовного и экономического творчества.

Тщательно взвесив современное положение России, небывалое единство настроения русского народа, мы твердо верим, что близок конец страданий, и радостно будет освобождение!

* * *

В деле содержатся протоколы допросов Алексея Ганина. Один из них, наиболее интересный, произведен в Московской ЧК 17 ноября 1924 года. Это даже скорее своеобразные мемуары, полуповедь, полупризнание, попытка спасти свою жизнь и увести следствие в сторону, но одновременно — удивительное по деталям, фактуре и атмосфере воссоздание быта эпохи, ее страшного безытного воздуха, безнадежности и отчаяния, которое давило и иссушало душу каждого мыслящего интеллигента «страшных лет России».

Как тут не вспомнишь о деятельности русских патриотов шестидесятых-семидесятых годов Игоря Огурцова, Леонида Бородина, Евгения Вагина и созданного ими ВСХСОНа. В сущности, Алексей Ганин и его товарищи были, несомненно, прямыми предшественниками жертвенного поколения патриотов-шестидесятников.

Исповедь Ганина, написанная в подвалах и камерах ЧК, неожиданно и особым образом как бы продолжает и дополняет многое из того, что было сказано Есениным в знаменитом цикле «Москва кабацкая» или напоминает нам многие страницы трагикомедии Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», перекликается с горькими, полными той же бездомности и того же отчаяния, стихами Николая Клюева двадцатых годов.

Суть этой жизни не раз была выражена Сергеем Есениным: «В своей стране я словно иностранец» или из письма Кусикову: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть»... Да, именно «пасынками» сразу же после окончания гражданской войны почувствовали себя Есенин и

Клюев, Ганин и Приблудный. Все они, находясь под зорким оком дзержинско-аграновско-петерсовского Чека, стали «Иванами бездомными», людьми второго сорта, гонимыми русскими людьми, которым антирусское государство той эпохи не могло позволить и простить русского ума, русского чувства, русского патриотизма. Все они были поставлены в положение национальных диссидентов с predeterminedенной в будущем трагической судьбой.

Нищета, отчаяние, безнадежность существования русского человека — то есть все то, что нависает над нами сегодня — выражены в «тюремных мемуарах» Алексея Ганина с откровенной наивностью, но в то же время с психологической и бытовой точностью. Ужасно предположить, что нынешнее экономическое и политическое положение русского писателя завтра может стать таким же, как у Ганина и его товарищей. Читая эти мемуары, с печалью понимаешь, что традиционное зло, овладевавшее жизнью русского таланта, топившего отчаянье в вине, действительно вызывалось и вызывается историческими условиями бесперспективности жизни в самом глубоком смысле слова.

Плохо было русскому человеку, русскому поэту и во времена Ганина, и во времена Рубцова. А когда «плохо» — тут же появляется Горе-Злосчастье...

Встречи, разговоры, знакомства — все достойно внимания в этом необычном протоколе допроса. Вплоть до наивной попытки оправдаться от обвинений в создании мифической фашистской организации (1924 год). Вплоть до попытки изобразить свои беспощадные по отношению к власти «тезисы» как некие черновые заготовки для будущего романа...

Впрочем, читая эти мемуары, все-таки приходишь к мысли, что никакими организаторами мощного сопротивления режиму, никакими вождями национального движения люди, подобные Ганину, стать не могли.

В первую очередь они были поэтами, художниками, людьми литературного призвания, для которых ничего не было выше и дороже внутренней свободы. Выше которой разве что было лишь одно — судьба Родины, судьба Отечества. Но в таком случае их выбор был сделан, и они были обречены. Да будут их прозрения, их просчеты, их жертвенность жестоким уроком для нового

поколения русских людей, вступающих в «вечный бой» за возрождение России.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гражданина Ганина Алексея Алексеевича

На вопросы, заданные мне, отвечаю.

Собственно, к политической работе я никогда себя не готовил. Я хотел исключительно работать в художественно-литературной области. Мной не написано ни одной социально-политической книги. Ни к какой политической партии я никогда не принадлежал. Но гражданином я был всегда или, по крайней мере, стремился им быть, ибо стремился всегда по мере сил и способностей помогать трудовому народу, крестьянам и рабочим вырваться из того социально-экономического гнета, в котором они находились, в котором находился и я.

С восьмилетнего возраста, работая с отцом по окрестным деревням, по заводам и фабрикам, расположенным в Сухонском районе Вологодской губернии, я с детства увидел и остро воспринял царившую несправедливость. Для одних — вечный труд, нищета; для других — довольствие и праздность. Но чтоб служить не только словом, но и делом, я в детстве же понял, что необходимо учиться. И вот до сего времени всю жизнь, изнемогая в борьбе за кусок хлеба, я продолжал свое дело учебы и в то же время занимался литературной работой.

Я приехал сюда, в Москву, как в центр научной и литературной работы. Так как начаты мною работы, ряд художественно-драматических хроник: «Освобождение рабов», «Иосиф» и несколько других из истории эллинского Рима и России. Кроме того, мною начат большой роман, который бы охватывал жизнь России в целом за последние двадцать лет, действие в котором разыгрывается, в отличие от всех существующих романов, не на любовной интриге, а на социально-экономических условиях.

Все вышеуказанные работы требовали от меня знаний истории последних лет в целом. Но приезд мой оказался для меня роковым. Все мои работы, особенно последняя, рассчитанная приблизительно на десять лет, требовали еще некоторой, хотя бы минимальной обеспеченности, которой у меня абсолютно не было.

Напротив, я оказался в крайне отчаянном положении: без работы, без комнаты, без денег. И так продолжалось с 1923 года, с сентября месяца, до дня ареста. Питался я большей частью в кафе Союза поэтов «Домино». Позднее — «Альказар» и «Стойло Пегаса». А ночевал — где застигнет ночь.

Таким образом, моя конспиративность есть не более как хроническое безденежье и отсутствие комнаты. Отсюда возникли и те печальные знакомства с известными вам людьми.

По приезду в Москву я оставил вещи свои да пару белья и рукописи в общежитии студентов на Госпитальной улице у земляков, учившихся со мной вместе в Вологде с 1910 по 1914 год. Переночевал, а на другой день ушел и не был там. Приблизительно до конца ноября.

В зачислении меня в вуз Главпрофобр отказал, так как было уже поздно, прием был прекращен. Желая уехать обратно и не имея ни гроша денег, я хлопотал перед Наркомпросом, чтобы уплатили мне гонорар за книгу стихов, принятую еще в 1921 году ЛИТО. Своевременно гонорар мне не был оплачен из-за денежного кризиса, происходившего в то лето 1921 года. Но так как ЛИТО было уже давно ликвидировано, а материалы перешли в архив академии, в уплате гонорара мне было отказано.

Я окончательно остался на мели, во власти всяких случайностей. Вечера до глубокой ночи проводил в кафе, в пивных, а ночевать уходил к моему бывшему другу поэту Есенину, в дом «Правды» по Брюсовскому переулку, где познакомился с его тогдашней женой Галей, ни фамилии, ни отчества которой я не знаю и до сих пор. Ночевал в то время в той же квартире поэт Клюев. Вот люди, с которыми я общался, если не считать тех десятков людей, которые, как тени, притягиваемые скандальной известностью Есенина, проходили перед нами в пьяном бреду, которые каждый вечер были все новые, которых я не знал и знать не старался.

Поэт Клюев, совсем не пивший или изредка пивший очень мало, неизменно уводил нас в вышеуказанное место в Брюсовском переулке. Так продолжалось до всем известного печального процесса четырех поэтов. К этому времени я ближе познакомился, приблизительно за день до скандала, в пивной с Орешиним, Клычковым,

с которыми я изредка встречался в бывшем Петербурге в период 1916 и 1917 годов. В то же время познакомился с Борисом Глубоковским, с Марцеллом Рабиновичем, которые жили вместе, и с Иосифом Аксельродом.

У первых после процесса я ночевал одну ночь. Они, кажется, и сами вскоре очутились без комнаты. В доме «Правды» после процесса ночевать было нельзя. В это время, до первого января 1924 года, я ночевал то в «Стойле Пегаса», то в общежитии писателей, то у Аксельрода на Рождественском бульваре, дом № 17, где, если не ошибаюсь, часто ночевали Рабинович и Глубоковский.

В той же квартире, кажется, у Богомильского, останавливался Борис Пильняк, и одну-две ночи ночевал Всеволод Иванов.

Все разговоры наши вращались исключительно в области литературы, литературного быта, воспоминаний о годах гражданской войны, и вообще о всех вопросах, которые затрагивали и затрагивают мыслящие люди. С Пильняком встречался в то время раза два и то в обществе Богомильского, почти незнакомого мне человека, который как будто помогал издавать Пильняку его сочинения.

В общежитии писателей встречался со всеми, кто там жил. А по вечерам чуть не каждый вечер бывал на тех литературных собраниях, которые там происходят. Таким образом, знаком почти со всем литературно-художественным миром. После собраний неизбежно уходили в «Стойло Пегаса», где был галдеж до двух часов ночи, а оттуда, если в состоянии мы были двигаться, отправлялись, кажется, в «Подвал энтузиастов», ныне закрытый, где было кручение до шести часов утра. Нередко компаниями уезжали в ночные чайные на Триумфальную.

Что там были за люди, я не знаю. Какие-то расфранченные дамы, актрисы, артисты, художники, поэты, иностранные представители печати. Все это гудело, вертелось, был пьяный угар и смертельная тоска. Но где же было быть? На улице, пешком уходить в Вологодскую губернию? К тому же многие из всяческих трестов и учреждений обещали устроить на службу. Но все это был миф. Да и в людей я вдруг не поверил. Все больше одолевало черное отчаяние.

В это же время, а может быть, несколько раньше меня познакомил Есенин с Айседорой Дункан как со своей бывшей женой. У Дункан я был раз пять, где бывало иногда много людей, говорилось на разных языках. Были мы и держались там — Есенин, Клюев, я, Аксельрод, Рабинович. Говорили всегда ни о чем — комплименты Айседоре или обо всем до тех пор, пока Есенин не начинал с кем-нибудь драку.

Из всех знакомств у Айседоры у меня осталось одно — скульптор Коненков, у которого я был однажды с Есениным, Клюевым и Рабиновичем. Осматривали мастерскую Коненкова, эту необычайную сокровищницу. Разговоры исключительно были о скульптуре. Вскоре он, кажется, уехал в Америку.

В это же время Глубоковский познакомил меня с Зеликом Персицем, где Глубоковский читал свою пьесу «Дон-Жуан». Присутствовали супруги Персицы, артисты студии, кажется, Русской драмы, и Анатолий Васильевич Луначарский, который, как говорили, был заинтересован новой драмой студии. Читал Глубоковский. Все молчали. После прочтения пьесы товарищ Луначарский молча раскланялся и уехал, обронив несколько замечаний по поводу пьесы. Ни с кем из присутствующих, за исключением Глубоковского и Персица, больше не встречался.

Вскоре после процесса Есенина отправили в нервный санаторий. Меня окончательно забрала полусумасшедшая тоска. Время летело. Хотелось работать, но не было стола, чтобы присесть и записать пережитое. К тому же из дома я уехал самое большее на неделю. Устроиться здесь и потом уже перебраться. А проходил третий месяц. Дома остались ни с чем жена и двухлетняя дочь, перенесшая летом тяжелую дизентерию. А жена все еще тосковала о маленьком сыне, умершем в то же время и тоже от дизентерии.

Днями я не раз обращался к своим приятелям по Вологде — Ковалеву и Ермолаеву: не могут ли приискать мне службу? Оба они коммунисты. К тому же здесь, в Москве, было в то время много коммунистов, занимавших довольно видные и ответственные посты, с которыми я встречался в Вологде, знали меня как человека, работающего в Губполитпросвете или как поэта. А с Ермолаевым и Ковалевым я был знаком до революции. Ермолаев устроивал в Вологде профессиональный союз

врачей и снабжал нас, учившихся в медицинской школе, нелегальной в то время революционной марксистской литературой.

Что касается Левичева, то мы с ним из одной волости. В одно время учились в сельской школе, ребяташками работали на Беляевском лесопильном заводе. Я работал с отцом по печной, мят глину. Если производилась кладка фундаментов, мешал известь, бил щебень, таскал кирпич, а Левичев на дровянке — так называлась погрузка, обрезка теса в барже.

Позднее, когда я учился в фельдшерской школе, а он — в учительской семинарии, встречались по летам. В бытность его вологодским губвоенкомом я встречался с ним как со старым другом. Но вскоре после моего приезда в Вологду он был переведен куда-то на юг. В двадцатых числах после того времени я виделся с ним, если не ошибаюсь, один раз в Вологде после окончания им академии, и один раз здесь, в Москве, на Тверской улице. Он спешил по делам, я спешил от безделья в кафе «Альказар». Было это, кажется, весной. У Ковалева в течение зимы я бывал раз десять, главным образом спросить, нет ли кого знакомых с родины.

Спрашивал о службе. Отдыхал от 'пьяной богемы, ел человеческий обед, играл в шахматы и уходил после двенадцати часов в «Стойло». Там ночевать было негде. Знакомство с Ковалевым главным образом было благодаря тому, что Ковалев, будучи вологодским губкомиссаром, жил с неким коммунистом Калыгиным. Калыгин — из нашей волости, дальний мне родственник, бывший революционный студент, живший без права въезда в город, снабжавший меня литературой, главным образом, художественной. К тому же мой первый стихотворный учитель.

У Ермолаева бывал тоже раз десять, а может, и значительно больше. К нему я заходил тоже отдохнуть от кричащей богемщины, от хвастливой, размалеванной кофейной разваленной буржуазии и барства, от кокаинистов и прочих. Лишенный своей семьи, я очень любил посидеть в семейной обстановке. К тому же Ермолаев — убежденный и просвещеннейший марксист, имеет довольно значительную библиотеку. Там можно есть и читать, попить из самовара чай, погалдеть с ребяташками. У него маленький сын, сверстник моей дочери.

С Ермолаевым мы говорили обо всем, главным образом о литературе. Но интересней всего его рассуждения философско-материалистические. Ни о какой политике, да еще заметно-воинствующей, не было речи. Мне даже пьяному не приходило в голову, ибо трезвый я великолепно понимаю, что какой же человек в полтора раза старше меня, состоящий в партии большевиков чуть ли не с самого основания, возьмет и будет сразу кем-то другим. Ввиду того, что у Ермолаева я засиживался, долго жилал, главным образом по воскресеньям, денег иногда не было на трамвай, поэтому, пользуясь близостью расстояния, я уходил ночевать на Госпитальную, в общежитие студентов. В течение всей зимы был там не более пяти раз, то есть ночевал в общежитии, возвращаясь к началу...

В читальне я целые дни читал газеты, затем читал книги, какие имелись, а ночью писал. Иногда целые дни после просмотра газет играли в шахматы. Иногда я лежал с утра до ночи, обдумывая свои произведения. Довольно часто, особенно в первую неделю знакомства с Никитиным, говорили о поэзии, о построении стиха и прочем. И только иногда подымались те или иные разговоры по поводу дискуссий. Много говорили во время похорон Владимира Ильича Ленина. В это время я собирал газеты, тщательно следил за каждой статьей, за каждой заметкой.

Здесь, в зале, я познакомился с Чиркиным, с Корабельниковым и с Анатолием Розановым, которого за всю зиму видел раз пять-шесть.

Бывали разговоры в стиле газетных дискуссий. За все время приезжал в кафе один раз, напивался раза два, был рад. Чиркин все время обещал мне достать либо работу, либо денег на дорогу в Вологду, но ничего не достал. Я жил в долг у Чиркина и Никитина. С Никитиным иногда вели разговоры на тему: история революции. Я иногда злился за объявленный мне бойкот. Однажды думал написать прокламацию в конце дискуссии, но мысль эту бросил. Я не знаю, делился ли тогдашними мыслями с Никитиным или с Чиркиным, но о терроре и прочих ужасах я никогда не подымал никакой речи.

До поселения в читальне, приблизительно дня за три, в одной из пивных, именно на углу Тверской и Садовой, познакомился со мной один человек воинский в малино-

вой шапке. Вначале обсуждались те вопросы, которые всплывали на знаменитой коммунистической дискуссии. Кроме того, все несчастье наше заключалось в том, что, куда бы мы ни пришли, все спрашивали о деле четырех поэтов. Говорилось и о том, как шел суд.

Через несколько дней в читальню явился тот воинский молодой человек, читал газету. Сказал, что он курсант из Кремля. Никаких политических разговоров не вели. Это было в присутствии Чиркина и Никитина. На прощание он говорил, что если нам угодно, то в ближайшее воскресенье по закону имеет право провести в Кремль двоих — осматривать кремлевские достопримечательности.

Как его имя и фамилия — не знаю. Сидел он минут сорок-тридцать. Больше нигде не встречался. В Кремле я никогда не был.

После суда ко мне часто обращался Александрович с приглашением зайти к нему, да вообще просил заходить. С Александровичем я встретился осенью 1923 года в зале ЦЕКУБУ, где мы читали стихи — Клюев, Есенин и я. Говорили о стихах, хотел написать статью. Я знал его как литературного критика.

В конце января я был у Александровича вместе с поэтом Никитиным. Кажется, на именинах жены, где познакомился с Головиным и так называемым Мишелем. В своих предыдущих показаниях я уже говорил, что профессор Головин только летом вернулся из-за границы. Рассказывал о Германии, о бытовых сторонах, о прошлом, о настоящем. Высказал суждение, что русские и все долго живущие в России — люди во взаимоотношениях проще и лучше, чем за границей.

Тот же надоевший вопрос о судьбе четырех поэтов. Александрович, бывший в суде, рассказывал свои впечатления. Отсюда речь зашла о национализме. Но в этот раз говорилось много о самом профессоре. Он рассказывал о своей научной карьере, о борьбе со своими завистниками. С Головиным и Мишелем я встречался у Александровича раза три, пожалуй, точно — три. Причем с тем и с другим не одновременно. Последний раз встречался с Головиным летом. Тут же был Мишель — я зову его тем именем, каким звали его супруги Александровичи. Ни фамилии, ни отчества я не знал. Рассуждения были приблизительно те же — на тему о национальнос-

тых. Одни доказывали, что борьба начнется в России под угрозой с Запада под влиянием нищеты, другие — что только белая эмиграция способна вывести Россию на более высокую ступень благоустройства. Все оказались националистами, но в конечном итоге никаких крепких точек соприкосновения между всеми нами не было.

Не знаю точно, на этой встрече или позже, я встретил Мишеля на Кудринской площади. Он пригласил меня к себе. У него пили козье молоко, рассуждали на те же социально-экономические темы. Из разговоров, происходивших на квартире Александровича и здесь, он выказал себя убежденным панславистом, сторонником крестьянской диктатуры, вернее, народовольцем.

Что касается Кудрявцева и Кириллова, то я знаю их с двадцатого года. Кириллов познакомил меня с Кудрявцевым в Вологде, где мы устраивали вечер современно-пролетарской поэзии. Кириллов, Родов, Обрадович, Александровский и я. Таким образом, Кудрявцева я знал как коммуниста, прокурора. А Кириллова — как всем известного пролетарского поэта.

У Кудрявцева я жил с февраля месяца в его комнате, составил книжку стихов, которая печаталась в типографии Мосторга, где Кудрявцев был заведующим. У Кириллова бывал часто в 1921 году. Ныне всю зиму был десять раз. Причем все разговоры велись большей частью литературного характера. Если происходило в жизни СССР или Европы, на основании газетных сообщений, что-нибудь новое. При последней встрече с Кирилловым мы обсуждали наше экономическое состояние, причем тот и другой в доказательство своих мыслей приводили цифры, опубликованные в официальных газетах, в печатных статьях «Экономической жизни», «Промышленной газеты», «Известий», «Правды», сборника ЦСУ. Разговор возник по поводу предвыборной английской кампании, когда становилось ясно, что верх возьмут консерваторы, которые едва ли ратифицируют заключенный договор. Отсюда возникла мысль о необходимости силами своего государства создать желательное благополучие и тем самым избежать зависимости от западных государств, в какую примерно попала Германия.

Такие рассуждения приблизительно велись, по крайней мере в моем присутствии, у Чекрыгина, у Александровича, у Мишеля, на квартире у Розанова. И незадолго

до ареста об этом же были рассуждения с Кудрявцевым. Об этом же рассуждали в студенческом общежитии. Причем в общежитии всего-навсего разговоры об этом подымались раза два-три. Так как все студенты торопились сдавать зачеты и готовились к государственным экзаменам. За исключением земляков — вологжан Тихомирова, Круглова и Серкова, был еще в приятельских отношениях с Воеводиным и Сахно. Все они — с последнего курса.

Главная причина моего частого посещения та, что Лефортовский парк и пруды служили мне все лето дачей. К тому же за весь год я имел здесь возможность спать на койке раздевшись, по-человечески. Думал ходить на работу, но ходил только раз. При проводах Сахно я был там и встретил Сахно случайно на дороге, собравшегося уезжать. Я шел за бельем, чтобы вымыться в бане. По дороге я рассказал ему прочитанное в газете о признании Францией Союза ССР и о той газетной шумихе, которая происходила во Франции. По словам газеты «Известия ВЦИК». На прощанье просил писать, как и что жизнь на Урале, среди крестьян, рабочих и так далее. То есть, что пишется в обыкновенных неглупых письмах. Просил сообщать бытовые особенности.

С Петром и Николаем Чекрыгиными я познакомился весной в «Альказаре», во время обеда они читали мне свои стихи. Через некоторое время, по-моему, в мае, встречает меня Петр Чекрыгин на Тверской и предлагает вступить в Орден русских фашистов, говоря при этом несколько комплиментов о моем уме. Я говорил, что я — поэт, занимаюсь исключительно литературой, но, заинтересованный личностью Чекрыгина, в первый раз произведшего впечатление святошечки, стоящего на краю могилы, я сказал хорошо, подумаю. Вскоре мне пришлось у него ночевать. Но, по-моему, это уже в июне, в конце, когда я начал устраиваться на службу в Хлебопродукты, ходить на Госпитальную не мог.

Приблизительно в это же время меня познакомили Чекрыгины с Олегом Полярным, поэтом и художником, который рисовал с меня портреты, то и другое у которого выходит крайне скверно.

Между прочим, при вторичном предложении вступить в Орден фашистов я попросил указать мне двух членов ЦК. И вот однажды после ночевки или перед но-

чевкой, вечером, Чекрыгин указал мне на Полярного и на брата — Николая Чекрыгина, на себя. На мой вопрос: «все?» они отвечали, что все. Я сказал: ладно, вступлю. В это время Чекрыгин настаивал писать протокол. На вопрос, что у вас имеется, они ответили — ничего. Но Полярный утверждал, что он достанет у какого-то купца-винооторговца денег. Имя его — секрет. С веселым добавлением: по крайней мере, хоть брюки купить. Причем вид у Полярного, особенно брюки, был действительно до крайности плох. Чекрыгин Петр мрачно рычал брату: «Довольно!» и развивал такую мрачную теорию о взрыве всех и вся, даже о взрыве всей Земли, ибо он — космический анархист, что всем нужно иметь знаки. И тут же приблизительно наметил стрелы, круги, кружки и прочее. Кому что досталось — я не помню. Тут же говорилось о шифре, после чего я предложил нелепый шифр: читать третью букву в каждом слове. Причем это происходило после ночевки в кафе «Стойло Пегаса». Из кафе было взято в этот день две бутылки вина на квартиру Чекрыгиных.

После изображения космических знаков Чекрыгин хотел погасить свет. С этой целью высунулся в окно, выходящее на Тверскую, и орал во все горло: «Эй, сволочи, буржуазия проклятая! Кто не знает Ордена русских фашистов!»*.

Если не ошибаюсь, было еще одно собрание, где снова произносилась речь, которую он неизменно произносит, куда бы ни пришел: «Все взорвать, погасить, умертвить, потому что он призван творить великие дела. Он сейчас погасит свет, а завтра или скоро отравится. Все — сволочи!» Причем всегда показывал в сторону довольно разодетых людей.

После такой речи своей заставлял писать протокол, потому что, добавлял неизменно Олег Полярный — без протоколов никто не поверит, что есть Орден русских фашистов, и никто не даст денег.

Не знаю, в какое время, во всяком случае, после того, как были прекращены разговоры о фашизме, и ни

---

* Вспоминается аналогичная ситуация с «фашистским погромом» в ЦДЛ. Однако как изменились времена в либеральную сторону! Агранов и К^о расстреляли семерых русских людей и шестерых сослали на Соловки. Черниченко и нынешним литературным чекистам удалось принести в жертву по похожему обвинению лишь одного Осташвили.

Чекрыгин, ни Полярный не требовали больше протоколов, терроров и прочих ужастей, кажется, Полярный познакомил меня в «Альказар» с гражданином Вяземским, называя его князем. Каждую неделю, раза два-три, и приблизительно за неделю до отъезда Вяземского, последний заходил в «Альказар», обедал и уходил слушать малороссийский хор в пивной против памятника Тимирязева. Пили бутылки две пива, иногда по три, не больше. Сидели, слушали хор. В перерывах толковали о фашистах, о прошлой гражданской войне, о кутежах, о женщинах. Из разговоров с ними я узнал — он показывал документы — что он бывший буденовец, но в данный момент служит в Центральном управлении статистики. Между прочим, говорил, что у него есть брат, живущий в Ницце, что он хочет уехать к брату, так как здесь трудно и скучно жить.

Брат имеет связи в Париже и среди всей русской белогвардейской эмиграции, только нужно что-нибудь, какую-нибудь бумажку, которая бы показывала, что существует кто-то и что-то. Мы составили «тезисы» из заметок, выписанных мною из газеты «Известия ВЦИК», иностранной хроники, особенно вопросы «Морнинг пост» тред-юнионам, некоторые наспех вспомнутые вопросы, возникшие в период ножиц, некоторые фразы из белогвардейских воззваний с гражданской войны, вроде о секте анархистов и прочее. Весь материал (он, я повторяю, у меня имелся до знакомства с Вяземским) я собирал для характеристики белогвардейских и черносотенных типов задуманного мною романа. О том, что Вяземский наверняка поедет за границу, он говорил — если удастся. Если удастся, приедет ли он из-за границы обратно, отвечал, что, может быть, не приеду. Если достанет денег, то во всяком случае вышлет.

Спешность Петерсов объясняется еще тем, что, куда бы, повторяю, я ни приходил, всюду вспоминался прошлогодний злосчастный инцидент, лишивший меня заработка прямой литературной работой, обрекший на год невероятной нищеты. Москва сделала нас окончательно юдофобами, насовала в уши что было и не было. При составлении из моих заметок, из разных входящих фраз, имеющихся у вас так называемых тезисов, конечно, я проявил максимум не злой воли, а легкомыслия, выразившегося не в том, что я их написал, а в том, что дал

переписать и помогал сам. Во-первых, тогда руководила мною мысль, что во всей этой истории нет, кроме всей известной болтовни, ничего. Во-вторых, если удастся князю попасть за границу и, паче чаяния, получить деньги, то это было бы совсем не худо. Напротив, к тому же говорилось, что если он, Вяземский, получит много, например, рублей (миллионы!), то по его приезде с деньгами обдумает, как быть. Если он проберется и не придет, то постарается по крайней мере выслать на мое имя тысяч пятьдесят для издательства.

Последнее обстоятельство: собрание на квартире у Анатолия Розанова было созвано не мной, а товарищем Чекрыгиным для того, чтобы обсудить возможности легальной литературной газеты или журнала.

Вначале обсуждали газеты, потом порешили философствовать о классах, о капитализме, о земле, о промышленности. Затем решили — с газетами едва ли что выйдет, а вот создать какую-нибудь боевую организацию, чтоб все вверх тормашками! Это, пожалуй, легче, чем издать газету. Победит тот, у кого сильнее техника и совершеннее. Значит, надо всех перещеголять не только в теоретических изысканиях, в области экономики, но и в небывалых тонкостях конспирации — в смысле печати агитационок и их распространения, изобретения необычайных крыльев безмоторных, летучих мин, наподобие, скажем, грача или там птицы, чтоб ни одно ГПУ, никто на свете не узнали до тех пор, пока все не будет в руках тонких конспираторов и изобретателей. Политики есть. Есть и изобретатель — вон тот Алеша.

Что он из себя представляет, я не знаю. Один раз я видел его в продолжение десяти минут. На меня он произвел впечатление идиота, потому что кто-то из братьев Розановых дал ему использованный трамвайный билет. Он рассмотрел его, свернул и положил в карман. Причем все его звали «великий изобретатель». При второй встрече я спросил Никитина и Розанова Анатолия, что это за человек? Розанов ответил, что будто это очень способный человек, поразительный математик, который в уме решает сложнейшие задачи. Никитин говорил, что бывший студент. Голодает по целым дням. На днях хотел удавиться. В чем заключается его изобретение, я не понял, какие-то крылья. Есть ли у него чертежи или модель? Он ответил, что есть. Принцип кондора. Для

меня это непонятно. И математический расчет. При распросе Чиркиным, какой формы аппарат должен быть, как должен двигаться, как в нем будет сидеть человек, он отвечал что-то путаное. Серьезный он человек или нет, я не знаю. Я, по крайней мере, почти все время после выпитого вина лежал на кровати.

Я говорил в начале беседы о грозящей нам опасности с Запада, поэтому надо быть готовыми — в Англии побеждают консерваторы. Америка правее. К тому же с Запада превосходство техники, радиоуправляемые аэропланы, в Англии — лучи смерти. Говорилось о нашей низкой заработной плате. Пили вино. Вся беседа о газете, о политике, о машинах продолжалась не более полутора часов. С собрания мы с Чиркиным пошли домой. И мечтали уже не о миллионе, который надеялись получить через Вяземского.

В день ареста (накануне я получил семьдесят рублей в Хлебопродукте жалованья) и ходил покупать пальто на Смоленский рынок. Пальто не купил. На квартире у Карпова в общежитии писателей я одел пальто, вот то, что на мне, и пошел просто обедать, где подешевле, то есть в «Рабочую газету». По пути на Тверской улице я встретил Соловьева.

В тот вечер денег у него не было. Он хотел продать золотые часы. А я как раз получил деньги. Я предложил пойти пообедать. И он вернулся со мной в столовку. В тот вечер я получил записку Чиркина, оставленную у швейцара «Стойла Пегаса», а ныне «Таверна муз», что я обещался Чиркину переговорить с Сытиным, со стариком, о стоимости такой газеты, и не примет ли он в издании какое-либо участие или, по крайней мере, не окажет ли кредит за типографские работы. Чиркину я сказал еще в столовке, что никуда не ходил. Я хотел купить себе белье и поехать на Госпитальную в баню.

Где я еще бывал? Несколько раз летом и раза два-три в конце лета у поэта Шенгелии. Я до середины лета был с ним знаком шапочно, с Галановым — тоже. Но с шахматного турнира в Союзе поэтов я ближе сошелся с двумя вышеуказанными поэтами. Галанов меня проводил к Шенгелии в первый раз. Шенгелия в настоящее время среди поэтов считается одним из лучших теоретиков стиха, а я в этом отношении отстал. Среди наших бесед однажды возникла мысль основать общество, которое

бы боролось с невежеством, со спекуляцией на искусстве, с безграмотной халтурщиной. И в то же время чтобы это общество поддерживало друг друга не только духовно, но и материально, могло сохранить молодые творческие силы от тупоумщины, халтурщины и прочих разлагающих прелестей. Не знаю, присутствовал ли тут Галанов или нет, но мы рассуждали о выпуске этико-философского манифеста, который бы охватил все бытие человека, но в котором в печати же заявить, что от так называемой политики мы отрекаемся.

Более или менее часто я встречался с Иваном Сергеевичем Рукавишниковым, ночевал у него один раз. А встречались всегда за выпивкой. Не помню, в какое время, кажется, осенью в 1923 году, во время суда, познакомил меня Герасимов Михаил с Берзиной Анной Абрамовной, а она, в свою очередь, — с Лобановым на Тверской улице, дом, кажется, двадцать. У этого художника Лобанова я встречался раза два с Вардиным.

Итак, все мои знакомые разделяются приблизительно так.

Первое. Люди, которых я знаю давно как революционно настроенных, работавших в гражданскую с народом, или определенно партийные коммунисты — Ермолаев, Ковалев, Кириллов, Кудрявцев, Левичев. Студенты-земляки Тихомиров, Круглов, Серков, Быков, с которыми я говорил обо всем и которые знают меня давно. Все указанные люди великолепно знают прелести былого мира, ибо все они, как и я, по происхождению крестьяне, во время учебы сами добывавшие себе пропитание. Отсюда ясно: ни в какие заговоры не только я, но и сам Господь их не затащит. Я ходил к ним отдыхать душой, посмотреть на здоровых людей, наконец — очухаться от кабака. Сюда же отношу Сахно и Воеводина.

Вторая группа. Это литераторы, для которых, конечно, все человеческое не чуждо, но которые прежде всего по природе своей деятельности слишком далеки от всякой политики — Рукавишников, Грузинов, Ивнев, Есенин, Клычков, Орешин, Карпов, Кузько, Шепеленко, Иванов, Пильняк, Шенгелия, Кириллов, Герасимов, Марьянова и другие члены ВСП и многие члены Союза писателей.

Я также знаком со всей группой «Кузница» и другими пролетарскими поэтами.

Третья группа — люди, с которыми я встречался в этот год либо очень часто, либо очень редко, но лица и имена которых знаю. Ни социального происхождения, ни прошлого, особенно в гражданскую войну, ни их убеждений не знаю. С ними я знаком исключительно по кафе «Стойло» и «Альказар». Это так называемая богема. Глубоковский — театральный критик. Марцелл Рабинович, кажется, коммунист. Сокол — поэт, Чекрыгины братья тоже — Петр и Николай, Дурново, Догурно, Полярный, Персиц, которого, впрочем, до сего один или два раза видел, кажется, поэт. Все это любители понюхать. По разговорам это все боевые люди во время понюшки, но боевые по-абсурдному или по-смешному. В силу своей расхлябанности не способные не только кого-нибудь объединить для заговора и в какой-нибудь мере вести за собой хоть одну минуту, но не способные и сами-то себе тридцать минут пробыть в ладу, в ровном настроении, не имеющие сплошь и рядом на махорку. Нередко мечтали о делах, которые действительно требуют миллионных денег. Дела казались возможными. Но разве кто верил через пять минут в возможность их воплощения? Если судить по разговорам, то всю эту компанию можно с таким же успехом обвинить, например, в бандитизме или принять за членов какого-нибудь филантропического братства.

Четвертое. Это группа людей, с которыми я познакомился в разное время. В 1924 году и в конце 1923 года. Сюда относятся люди, ни по своим убеждениям, ни по социальным признакам абсолютно несовместимые ни со мной, ни между собой. Встречал всех их в разных местах, в домашней обстановке. Лица эти, с одной стороны — Вардин, Берзина, Лобанов, Галина — жена Есенина, с другой — Мейерхольд, Дункан, с третьей — профессор Головин, критик Александрович и известный мне друг Александровича Мишель. С каждым из указанных лиц встречался по два-три раза.

И, наконец, Вяземский, историю встречи с ним я рассказывал.

Итак, вот те люди, с которыми я встречался. Где, с кем я говорил и о чем, вам уже рассказано при показаниях вышеозначенных лиц, наверное, больше и страшней, чем следует.

Тут вы меня спрашиваете о фашизме, о националь-

ном комитете, о заговоре к вооруженному захвату власти, о терроре, просто об агитации и об агитации посредством печатных прокламаций. И, наконец, о выдаче государственных тайн врагам Союза ССР. Отсюда и то недоверие к моим словам, отсюда и то грозное обвинение, предъявленное мне по статьям 60, 64 и 66, которое грозит мне смертью, ибо я, выходит по-вашему, смертельный враг власти рабочих, крестьян. Я — противник завоеваний Октябрьской революции. Я — предатель интересов трудящихся, и так далее, и тому подобное.

Да, задавленный, с одной стороны, нищетой, с другой стороны — под необоримым влиянием моих творческих сил, живущих во мне величайших образов, я, отчаявшийся получить какую бы то ни было поддержку, здесь рискнул добыть необходимые мне средства, безразлично где и каким путем. Мне тридцать лет. В тридцать лет упорная работа за кусок хлеба. Тридцать лет непрерывного внутреннего горения. Я вышел в жизнь из хижины, восьмилетним мальчиком, с киркой и фартуком печника, чтобы под руководством моего отца, лучшего мастера нашей округи Алексея Степановича Ганина, научиться класть русские печи. И вот к тридцати годам я вышел на путь истории, чтобы из страданий и радости любимого мною трудового народа, из всего ужаса и всей радости тысячелетий построить памятник нашей эпохе.

Я не стремился к дешевой славе, не искал личного благополучия. Я всю жизнь горел и работал. И вот в тот момент, когда я сделался мастером, когда мне нужно было начинать свою новую творческую работу, я очутился в том положении, о котором уже говорил. У меня не было комнаты, не было стола, где я мог работать. А сама работа требовала хоть минимум обеспеченности.

Все те люди, с которыми я общался в этот год — либо мои старые друзья и уже испытанные в огне революции друзья трудового народа, либо люди, которые с нами хотят творить и работать, либо те, которые нужны были мне как материал. И нужны были не как политику, а как созидателю, как художнику, поэту.

Моя фантастика была настолько жива, что даже не фантастам казалась реальностью. То есть когда я, отчаявшись гденибудь в редакции получить червонец аванса, хотел из рук тех, против кого боролся, вырвать необходимые средства, нужные мне для работы. Объединяя случайный материал, повторяя собранные

мною из официальных изданий, из случайных фраз и белогвардейских листовок для моей работы «тезисы», я полагал, что не делаю особых преступлений. В этих «тезисах» я не выразил никакой государственной тайны, потому что никакой тайны я не знаю. Это то, что изо дня в день обсуждается официальной прессой, и то, что повторяет образованная и необразованная чернь России и Европы.

С наступлением зимы в тот момент, когда мне казалось, что я еще на неопределенное время остаюсь без крова и без всякой возможности жить и работать, мне встретился Вяземский. Я рискнул. Тем более — он сам легко согласился. Сознаю, что у меня в душе вскипало не раз возмущение и острая боль против некоторых сторон современной жизни. Особенно в те моменты, когда в тягчайшее время борьбы трудящихся за свое освобождение я, переносивший с народом, как его составная органическая часть, те бесчисленные лишения, голод, холод и прочее, в настоящий момент нахожусь еще в худшем положении.

Тогда, глядя на тех нэпманов и карьеристов, которые не знают, как и куда измотать свои червонцы, не возмущаться не мог. А в литературе — вот я, с детства воспринявший жизнь трудового народа, вынесший путешествие на крышах вагонов, евший одну восьмую хлеба, по мере своих сил и способностей помогавший в борьбе в тяжелые времена 18, 19 и 20-го годов, не имею теперь стола, где бы писать, тогда как такие, как граф А. Толстой (я говорю это не из злобы, а просто указываю как на факт), просидевший тяжелое время за границей, имеют постоянный ночлег и своей халтурой зарабатывают сотни червонцев. Я халтурить не мог. А серьезные вещи, да еще о таком необычайном историческом времени, как наше, конечно, требуют десятка лет работы и наблюдений.

Не моя вина — что до революции я не успел прославиться как писатель, поэт. Но те работы, которые я уже отделал, всякий, кто захочет серьезно и добросовестно посмотреть их, дадут гарантию искренности моих слов. Да и в нормальное время, то есть в мирное, и при той обеспеченности, в какой жили писатели прошлого, ни один к моему возрасту не успевал выполнить какую-либо большую работу. Возьмите Достоевского, Толстого и прочих.

С теми людьми, с которыми встречался, я говорил иногда чересчур много. Но от разговоров до заговора, до организации, враждебной и угрожающей власти Советов, мне кажется, слишком большая пропасть.

Профессора Головина я очень уважаю как ученого. Но я ни разу не предпринял ни одного шага идейной согласованности с монархическими целями. Во всех тех кружках и кругах, где я бывал как человек, которому иногда хочется просто стакан горячего чая, которому негде жить в данный момент, а по улице бродить скучно, холодно, все мои разговоры носили характер скорее чисто философский. Все встречи с людьми у Александровича, у Шенгелии и в кафе «Альказар», «Стоило Пегаса», за исключением последней беседы на квартире Анатолия Розанова и последних трех посещений Вяземского, были всегда случайны. А отсюда все возникавшие разговоры были непреднамеренны.

Всякий высказывал что он хотел. И как в данный момент думал. Никто не отступал от своих воззрений, нигде ни разу ни одна беседа не прошла организованно, то есть так, чтобы крайности суждений были сглажены, чтобы все сошлись на каком-либо одном принципе, что прежде всего, по-моему, необходимо для всякой организации. Так было всюду в моем присутствии. Я не знаю ни одного случая, где было принято то или иное решение — общее и обязательное по крайней мере для присутствующих. Это мне давало повод думать, что имею дело не с политическими организациями, ни даже с отдельными официальными представителями таковых, а говорю с людьми частного порядка.

Правда, иногда были рискованные разговоры, но всегда возникавшие случайно, протекавшие хаотически. Единственный случай — когда Чекрыгин предложил мне вступить в фашистскую организацию как уже существующую. Но разве я мог хоть на секунду серьезно мыслить, что за Чекрыгиным и Полярным есть организация фашистов? Заранее условленное собрание у Розанова было созвано, повторяю, для создания легальной литературной газеты. Все последние разговоры были хаотичны, никаких решений не принималось. К тому же, если бы в то время зашел принципиальный и конкретный вопрос о машинах, то я не верил тогда, да не верю и теперь ни в изобретения, ни в изобретателя.

О существовании национального комитета, о существовании типографского шрифта, оружия или взрывчатых веществ я не знаю. И никто мне об этом не говорил.

Что касается лично меня, то в этом направлении я не предпринимал ни одного делово-конкретного и вообще никакого шага. Даже ни разу не вносил каких-либо конкретных предложений, опять-таки кроме летательных машин — где и как достать таковые. Об изобретении крыльев я узнал, когда спросили меня Розанов и Никитин, не могу ли я где достать несколько пудов каучука для того, чтобы дать этому изобретателю. Если не ошибаюсь, он хотел приготовить непромокаемую ткань домашним способом для крыльев своего аппарата. Никаких конкретных предложений насчет приобретений денежных средств я ни от кого, кроме Полярного и Мишеля, не слыхал. Фальшивую монету, то есть выделку таковых, я отверг.

Приписываемый мне план экспроприации я ни разу не предлагал осуществить или серьезно об этом не думал.

Предложение Вяземского, которое было мне сделано за несколько дней до его отъезда, я принял один, ни с кем не советовался. Во-первых, советоваться было не с кем, а во-вторых, я не вполне верил ему, да и сам Вяземский даже в том случае, если он уедет за границу, обещал достать денег не наверное.

Вопрос о деньгах у меня бывал еще с Шенгелия. Но здесь деньги нужны были для издательства при Союзе. О том, что предложено достать для меня же деньги, я как будто бы ему говорил, но это было после предложения Вяземского, кажется, в присутствии Ситницкого, которого я видел раз у Шенгелия и раз в «Альказаре». Кстати, Ситницкий говорил мне, что он пишет научно-экономическую работу и по частям где-то печатает. Где — не знаю.

Рассуждая серьезно с Ситницким — он произвел на меня серьезное впечатление, — мы говорили о том, что, если не будет тех или иных реформ, может случиться, что года через три, но не раньше, может вспыхнуть стихийное недовольство. И вот, чтобы не допустить господство реакции и монархическую диктатуру, нужно всем честным, мыслящим людям быть к этому готовыми. Всем нам, это было мое убеждение, за исключением фа-

шистов, о которых я уже говорил, деньги нужны были не на контрреволюцию и прочие штуки, а исключительно для того, чтобы иметь возможность работать.

Как мыслил профессор Головин, я не знаю. Он был крайне сдержан. Ни о каких деньгах я от него не слышал. На мою фразу приблизительно такого смысла — «если вы считаете монархию лучшей системой государственного управления, почему вы не сохранили ее?» — он отвечал, что занят научной работой в НИИ у Маклакова, от которого подвергался преследованиям. А теперь он уже стар, его время прошло.

Итак, если у ГПУ имеются данные о существовании каких-либо организаций как таковых — с программой, с дисциплиной, со средствами — то я, честным словом поэта, гражданина, говорю, что никто из указанных выше лиц, где я бывал, мне ни разу ничего не говорил об этом. А сам я увидеть какие-либо признаки единомысленной организованности не мог. Людей, которых я видел за весь год несколько раз, естественно, знать не мог. Из трехсот шестидесяти пяти дней я видел их в продолжение трех, пяти дней. И если высчитать все наши встречи, что из них делал каждый, как думали остальные триста шестьдесят дней, конечно, судить мне трудно и строить догадки было бы с моей стороны нечестно.

Те люди, среди которых я большую часть года прожил — студенты, поэты и писатели — действительно крайне нуждаются, сплошь и рядом не имеют ни жилья, ни одежды. Речь о деньгах вели постоянно. Постоянно делали всевозможные предположения. Предлагались всяческие фантастические предложения, но прошел год — и никто никого не убил, не ограбил, не экспроприировал. Пройдет и еще сто лет. И, живи из них каждый, можно с уверенностью сказать, что все будет так, пока они не сопьются и не занюхаются, другие не сделаются знаменитостями, а третьи кончат учебу и станут тихими, работающими гражданами.

Что касается лично меня, то никакого ни национального комитета, ни фашистских организаций у меня нет. Все мои связи и посещения были случайны. Все разговоры были разбросанны и многообразны. Говорилось не только то, что вменяется мне в вину, напротив, это самая малая часть моих суждений и фантазий. В тех же

местах и при тех же встречах с этими же людьми я говорил об истории искусств, об истории культуры, вел философские и прочие разговоры на тему о религиях, о поэзии, о мистике и материализме, об астрономии и протоплазмах, о церкви и театре, о тех или иных выдающихся личностях в истории и живущих сейчас. У всякого — своя философия, у всякого — свое восприятие мира.

Кому придет в голову, да и где такая сила, которая бы объединила все эти резко выраженные индивидуальности или группы, диаметрально противоположные, как монархист профессор Головин и марксисткоммунист товарищ Ермолаев, фашист, «мистико-космический анархист» Петр Чекрыгин и какой-либо красный командир, дравшийся на фронте, деловой, сухой критик поэт Шенгелия и остроумный Глубоковский, типичный богемец... Да что ни лицо, то резко обособленная фигура. Как я мог, а я все-таки не дурак, соединить пролетарского поэта Кириллова и панслависта Мишеля, молодого врача, день и ночь зубрившего науку без гроша в кармане, решившегося во имя научной подготовки стажироваться в земской больнице Воеводина, соединить с кокаинистом Полярным, и так далее, и тому подобное. Разве это материал для организации? Да еще для подпольной, крайне секретной, крайне требующей конспиративности и выдержки, единства воли и цели.

Все что угодно, только не организация, только не политическая. Хитро-деловитый Кудрявцев и наивно-простоватый Дурново, и все прочие. Конечно, если взглянуть на всех этих людей серьезно, то, принимая каждого в отдельности за что угодно, никому, я думаю, вполне серьезно не представится угодным думать, что из этого состоит или хотя бы могла состоять политическая или безразлично какая организация.

Мне неудобно сознаваться, но это — так. Это — литературный, живой материал, притом великолепный по многообразию характеров для нашего времени в целом. Материал для романа. К тому же у меня, повторяю, ни пища, ни крова, ни знакомых, кроме вышеуказанных лиц, нет и не было. Я у них пил и ел, и, наконец, одевался и спал.

Я не знаю, это вам виднее, насколько я, взятый вместе со всеми этими людьми — а без них я давно бы сдох

с голоду или стал хитрованцем — представляю опасность для государства трудящихся. Я не боюсь смерти. Но мне не хочется умирать как врагу власти рабочих и крестьян, с которыми связана вся моя жизнь, все, все лучшее, что есть у меня в душе, для которого я берег мои лучшие чувства и мысли.

Я не хочу быть белогвардейским святым. Ни по опыту всей моей жизни, ни по роду всей моей прошлой работы я органически не мог быть контрреволюционером. Не был и не буду! Если вы подарите мне жизнь, буду тем, чем я был. А я был всегда честным гражданином, и потом: история с Вяземским и с теми разговорами — это был только крик отчаяния. А мой национализм совсем не тот погромный, и я уже открыто заявлял — он покоится на великом принципе Ильича — самоопределении наций, советской власти, за которую я все же боролся и считаю единственной и никакой другой не мыслю.

Примите мое раскаяние и, если можно, оставьте мне жизнь.

17 ноября

А. Ганин.

*Выдержки из заключения по следственному делу,
подписанному нач. 7 СО ОГПУ Славянским
и следователем Врачевым*

«Обстоятельства дела. В июле месяце прошлого, 1924 года, в СО ОГПУ поступили сведения о том, что в Москве группа литераторов с целью борьбы с соввластью приступает к образованию террористической организации. Выясняя сущность и направление данной организации, выявляя участников ее, СО ОГПУ в конце июля месяца установил, что наиболее активно проявляющие свою деятельность были поэты — Ганин Алексей Алексеевич, Чекрыгин Петр Николаевич, Дворяшин Виктор Иванович, Галанов Владимир Михайлович. Эти лица, сугубо осторожно действуя в направлении вербовки новых членов из своего круга поэтов, литераторов, артистов и студенческой среды, вскоре вокруг себя сгруппировали исключительно «русских» людей, имевших за собой контрреволюционное прошлое. Последнее обстоятельство побудило СО ОГПУ рассматривать зарождаю-

щуюся организацию как ярко выраженную национальную с явно фашистским уклоном».

«Цель Ордена русских фашистов — организация противников марксистской идеологии или уничтожение в государстве российском марксизма, свержение власти и замена ее властью неограниченной диктатуры русских фашистов с тем, чтобы:

а) восстановить в России права и титулы дворян;

б) вернуть владельцам все конфискованные, движимые и недвижимые собственности, как-то: земли, имения, фабрики, заводы, торгово-промышленные предприятия, дома, ценности и тому подобное;

в) разрешение возвращения эмигрантов;

г) полная амнистия, освобождение из всех тюрем и концлагерей лиц, осужденных советской властью за политические преступления;

д) объявление православной религии господствующей церковью, возглавляемой патриархом, святейшим синодом и находящейся под покровительством государства».

«Необходимо отметить, что, имея перед собой задачу произвести террор над членами совправительства, организация наметила в первую очередь жертвами Калинина, Рыкова, Дзержинского, Луначарского, Радека и Зиновьева. В то время, когда организация вырабатывала план действия, в Москве происходил V Конгресс «Коминтерна». И члены организации решили взорвать здание Коминтерна в момент происходящего заседания. Вскоре организация сделала первые шаги в направлении выполнения поставленной цели. Было приступлено к вербовке новых членов. К указанным выше лицам примкнул поэт Никитин Григорий Петрович. Десятого августа Никитина посетили Ганин и Дворяшин. И первый предложил последним произвести экс над бывшим председателем ЧК неким Драгомирецким, который якобы хранит у себя много ценностей. В этот же день Ганин в присутствии Дворяшина и Никитина в комнате, занимаемой последним, написал текст предназначенной к выпуску прокламации. Воззвание было обращено к гражданам великой России, а в тексте указывалось: «Неужели вы ослепли или потеряли разум? Оглянитесь кругом, размыслите по совести, спросите сами себя, куда мы идем, на что надеемся? Малая кучка людей, пройдох и авантюристов, воров и мошенников, слетелась со всех сторон мира и

царствует безотчетно над великой страной. Эта банда располагает судьбами миллионов людей, распоряжается трудом и покоем миллионного»... и так далее.

Почти одновременно с Ганиным братья Чекрыгины проектируют выпуск прокламации в виде извещения русскому народу. Здесь, выявляя свой облик, они пишут: «Дорогу русскому фашизму! Прочь малодушие и слабость! Черными лентами по Руси протянулись наши железные руки. Сообщаем о скором свержении советской власти путем беспощадного террора, призываем русский народ к спокойствию, сочувствию нашему великому делу, освобождению Руси от ига жидов и коммунистов».

Воззвание заканчивалось словами: «Готовьтесь к великим событиям!»

В одной не так устаревшей рукописи Кроткова, относящейся примерно к 1923-му, а возможно, и 24 году, трактуется национальный вопрос в сопоставлении с вопросом о признании Союза советских республик иностранными державами. Здесь автор пишет: «На глазах всего мира происходит фальсификация самоопределения. Весь мир молча созерцает эту комедию, делая вид, что не понимает, не замечает ее истинной сути. Ломают копья — признать или не признать. Кого, что? Россию, государство, которое не признает право собственности, долгов, обязательств чести. Такой России нет. Она померкла. Та, прежняя, Россия молчит. Она дожидается, когда пелена спадет с глаз честного человечества. Если эта новая Россия признает долги и права частной собственности, разве этим она превратится в прежнюю, старую, которую нужно и можно признать». Этим не только определяется взгляд Кроткова на признание иностранных держав СССР как государства, но в этом месте тенденция к подрыву международных отношений.

Ниже в этом же документе есть следующее:

«Нас без нашего участия самоопределяют по-своему. В случае, если бы мы пожелали определиться без их помощи, нас будут расстреливать, мучить голодом. Все мыслящее подверглось разгрому, все честное уничтожено. Все талантливое искажено. Расстреливают даже за одну мысль о протесте, не говоря уже о самом протесте. Истязания и пытки — как в средние века».

Таковыми словами расценивается автором отношение советской власти к национальному вопросу и такими

словами описывается положение «здравомыслящих» в Советском Союзе.

В конце рассматриваемого вышеуказанного документа говорится:

«...доколе же нам терпеть это иго. Своими представителями мы избираем Польшу, Чехословакию, Югославию и Болгарию. Они — наши братья. Мы их просим и уполномачиваем в лице их представителей просить народы в лице их правительств обсудить вопрос о самоопределении наций. Мы просим их возбудить перед Лигой наций и еврейский вопрос; ибо не может первое разрешиться без последнего. Своевременное решение этих вопросов не в наших только интересах, но и в интересах народов всего мира. Поэтому то, что казалось невозможным — захват России — осуществлен. А теперь они, развивая свою ударность, приступают к захвату Азии, чтобы бросить ее на Европу и обеспечить себе гегемонию».

Несомненно, вышеприведенные документы представляют большую ценность для следствия. Во-первых, потому что они неоспоримы, а во-вторых, надо заметить, что указанные ниже приведенные документы имеют даже схожесть с тезисами Ганина, из чего следует, что в составлении тезисов участвовал не только один Ганин, но и Кротков.

Подводя итоги результатов ликвидации организации, необходимо полностью привести здесь один из документов, также обнаруженных при обыске у Кроткова.

«Демократический организационный комитет крестьян-великороссов с единомышленной, однородной ему национальной интеллигенцией и части рабочего класса.

Мы, крестьяне-великороссы, бурлаки, лапотники, идейно и кровно объединенные составом нашей национальной интеллигенции и по неразумению преступно уничтоженные рабочим классом, спровоцированные на это посторонней ему силой и имеющей свои особые задания и цели, а также из части этого класса, который в общей своей массе поддался на провокацию, направленную на захват его психологии, провокацию, организованную посторонней ему силой, ничего общего с ним не имеющей и сделавшей его лишь орудием своих достижений. Мы на исходе седьмого года захвата власти пролетариатом шлем всем вам, французские крестьяне из тех,

кто не отрекся от солидарности с нами, свой дружеский, сердечный и горячий привет».

«После нашумевшего процесса четырех поэтов — Ганина, Есенина, Орешина, Клычкова, обвинявшихся в антисемитской агитации, Ганин, как один из проходивших по этому делу, в кругах националистически настроенной интеллигенции приобретает авторитет русофила».

«Второй обвиняемый — Петр Чекрыгин при допросе от 6 ноября указал, что к деятельности организации он имел косвенное отношение, что лишь однажды кто-то ему дал прочесть программу Ордена русских фашистов, в которой было тринадцать пунктов. На последней странице листа, — заявляет Чекрыгин, — собственноручно добавил два пункта — переселение евреев на свою родину в Палестину и эмансипация индивидуальности в порабощенном русском человеке».

«Заслуживает также внимания следующий случай, имевший место в день ликвидации организации 1 ноября прошлого года. Ответственные сотрудники ОГПУ товарищи Беленький, Агранов, Славатинский, Якубенко и другие, законно явившись на квартиру Чекрыгиных, застали там пьяную компанию поэтов, литераторов, проституток. Был предъявлен ордер на право ареста Чекрыгиных и у присутствующих спросили документы. В ответ на предложение сотрудников некоторые из пьяной компании бросились в драку, нанеся трем сотрудникам побои. Этот характерный случай лишний раз наглядно вскрыл картину вышеописанного и доказал способность этих лиц на любое преступление».

«Считая следствие по настоящему делу законченным и находя, что в силу некоторых обстоятельств передать дело для гласного разбирательства в суд невозможно (подчеркнуто мной. — Ст. К.), полагали бы войти с ходатайством в Президиум ВЦИК СССР о вынесении по делу Ганина, Чекрыгина, Чекрыгина, Дворяшина, Галанова, Никитина, Кудрявцева, Александровича-Потеряхина, Кроткова, Головина, Глубоковского, Колобова, Сахно и Заугольниковца внесудебного приговора.

Уполномоченный 7 отдела СО ОГПУ
Врачев
согласный Нач. 7 отдела СО ОГПУ
Славатинский».

К делу А. Ганина приложен документ из так называемого «Дела четырех поэтов».

«С П Р А В К А

архивного уполномоченного.

По делу проходят: Есенин Сергей Александрович, 1895 года рождения. Уроженец села Константиново, Рязанской области. Поэт.

Клычков Сергей Антонович, 1889 года рождения. Уроженец деревни Дубровки Московской области. Поэт.

Орешин Петр Васильевич, 1887 года рождения. Уроженец села Галахова Саратовской области. Поэт.

Ганин Алексей Алексеевич, 1893 года рождения. Уроженец деревни Коншино Вологодской области. Поэт.

Дело возбуждено 21 ноября 1923 года на основании заявления гражданина Роткина М. В. о том, что четверо неизвестных лиц в пивной на улице Мясницкого ругали евреев, называли их паршивыми жидами. При этом упоминая фамилии Троцкого и Каменева.

Допрошенные Есенин, Клычков, Орешин и Ганин показали, что они беседовали на литературные темы, Троцкого и Каменева не оскорбляли. Одновременно Есенин и Орешин признали себя виновными в том, что называли Роткина паршивым жидом.

В имеющейся переписке говорится, что делу будет дан судебный ход. Однако 11 марта 1927 года дело прекращено за давностью.

Были ли осуждены Есенин, Клычков, Орешин, Ганин, из настоящего дела не видно».